

INSPIRIA

ОБЫКНОВЕННОЕ

ЗЛО

К
И
М
С
О
Ч
Ж
И
Н

Смерть — не трагедия, а лишь
повод для сплетен

INSPIRIA

Novel. Национальный бестселлер. Корея

Ким Сочжин

Обыкновенное зло

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.531(519.5)

ББК 84(5Кор)-44

Сочжин К.

Обыкновенное зло / К. Сочжин — «Эксмо», 2013 — (Novel. Национальный бестселлер. Корея)

ISBN 978-5-04-184237-6

ПОБЕДИТЕЛЬ 9-Й НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ КОРЕИ. Смерть — не трагедия, а лишь повод для сплетен. Сорокалетняя домохозяйка Ли Ынчжу живет с мужем, детьми и больным свекром. Вся ее жизнь похожа на день сурка: она готовит завтрак, кормит свекра, делает зарядку на свежем воздухе, иногда встречается с подругами, готовит ужин и ложится спать. Но однажды Ли Ынчжу, поддавшись непонятному импульсу, убивает человека... Преступление неприметной домохозяйки вызывает резонанс среди жителей. Люди съезжаются посмотреть на место убийства, а дети приходят туда, чтобы поиграть в «игры на выживание». Однако вскоре добропорядочных горожан сотрясает новость о еще одном преступлении... Антидетектив об иррациональных убийствах и странных происшествиях в обыкновенном корейском городе. Здесь собрались цифровые гадалки, школьники, которые травят учителей ртутью, и семьи, предвкушающие смерть своих родственников.

УДК 821.531(519.5)

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-184237-6

© Сочжин К., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ким Сочжин

Обыкновенное зло

Copyright © Kim Seo-jin, 2013

All rights reserved.

Original Korean edition published by NamuBench

Russian translation rights arranged with Imprima Korea Agency (Korea) and Impressum Literary Agency (Russia)

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea).

Перевод книги выполнен в рамках семинара переводческого факультета МГЛУ.

Участники проекта: *Бриль Ольга, Валюк Владимир, Горшкова Мария, Диброва Елена, Добротина Ольга, Козырева Анна, Пичушкова Мария, Понкратова Евгения, Тимошенко Алина.*

© Похолкова Е. А., Мавлеева Д. В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

С первых страниц книга напоминает антидетектив: мы знаем, кто убийца, и пытаемся разобраться, какой травматический опыт подтолкнул героиню на этот поступок. Но постепенно роман превращается в настоящий детектив с открытым концом...

Е. Похолкова, Д. Мавлеева, переводчики

Глава 1

Обычная домохозяйка

Кто-то, по-видимому, оклеветал ее, потому что однажды утром, не сделав ничего дурного, обычная домохозяйка, которая даже улицу на красный ни разу не переходила, попала под арест.

Полиция искала ее почти все утро. В тот день она, как обычно, встала в шесть утра, покормила детей и отправила их в школу. Она приготовила завтрак и накрыла на стол, чтобы покормить свекра, который несколько лет назад перенес инсульт. Кажется, в тот день у него было особенно скверное настроение. Он проворчал, что каша уже остыла, и стал сетовать на боли в спине. Она почти перестала обращать внимание на его ворчание, но все равно выслушала его с участливым видом.

- Давайте разогрею кашу?
- Не надо.
- Давайте помассирую спину?
- Говорю, не надо.

Пока он ел, Ынчжу по привычке села рядом и включила новости. Свекор любил смотреть их. Курс валют, котировки акций, самоубийство в мотеле. Влюбленная пара подожгла древесный уголь и задохнулась угарным газом. Такие новости крутили сегодня по телевизору. Вчера показывали что-то похожее. Свекор ел очень медленно, у него тряслись руки, он доедал кашу целую вечность. Ынчжу вытерла ему рот полотенцем и дала лекарство, затем помогла лечь обратно в постель и вышла из комнаты. Стрелки часов показывали без десяти девять. Утренние дела почти закончены.

Она вернулась на кухню и сварила кофе. Свекор уснет за просмотром телевизора, а ее муж, Хосон, засядет за компьютер. После обеда отец перейдет под его опеку, и Ынчжу будет предоставлена самой себе до самого ужина. Она пила кофе и обдумывала, чем заняться сегодня.

Однако особых дел у нее не было. Так происходило почти всегда. Каждый день Ынчжу поднималась на холм, совершала променад, а потом шла в общественную баню по месячному абонементу. Так и день подходил к концу. Если оставалось время или, скорее, желание, она шла на рынок за продуктами. Вернувшись домой, старалась приготовить очередное блюдо, которое проходили на кулинарных курсах. Неделю назад это был ферментированный скат с тушеной свиной.

Ынчжу мечтала когда-нибудь открыть собственное кафе, поэтому к кулинарным занятиям она относилась достаточно серьезно. Женщины, с которыми она ходила на курсы, рассказывали, как после каждого урока они приходят домой и пробуют повторить то блюдо, которое готовили в классе, а потом обязательно зовут друзей или соседей на ужин. Она хотела бы так поступать, но друзей у нее почти не было, да и нормальных соседей тоже. В ее доме, точнее, в доме ее свекра, комнаты снимали двое иностранных рабочих и женщина лет шестидесяти. Можно было из вежливости позвать эту соседку, но она совсем не горела желанием приглашать постояльцев на ужин. Когда она все же попыталась это сделать, их не оказалось дома. Оставались только домочадцы, но и здесь все было не так просто – дети допоздна учились на курсах, поэтому ели не дома, свекор едва мог пережевывать пищу, а Хосону что ни дай – ему все вкусно.

Ынчжу очень переживала, что не могла каждую неделю оттачивать свои навыки и получать отзывы о блюдах, как остальные женщины на курсах. Если бы она не переехала в дом свекра, а продолжила жить в своей квартире, она бы тоже постоянно созывала в гости соседей

оценить ее блюда. Там, где она жила раньше, женщины из одного подъезда довольно тесно общались, но главным центром притяжения были встречи мам школьников. Подружки из этого клуба домохозяек по вечерам заглядывали в местный бар выпить пива, а потом до хрипоты пели песни в караоке. Они вместе ходили в торговый центр, на распродажи и на родительские собрания. После переезда в дом свекра Ынчжу еще около года поддерживала связь с бывшими соседками, все так же приходила на встречи клуба домохозяек. Но дети поменяли школу, пошли на другие курсы, и она почувствовала, что отдалилась от прежних подруг, их общение само собой сошло на нет.

Внезапно Ынчжу ощутила себя изгнанной, изолированной от мира, она тосковала по своему прежнему дому. Здесь ей было ужасно скучно. В этом районе наверняка тоже были ее ровесницы, просто все они работали. Днем в округе не было никого, кроме стариков, медленно прогуливающих по району.

Попивая кофе, Ынчжу пробурчала, что дальше так продолжаться не может, необходимо заработать денег и переехать. Сильнее всего ее беспокоило качество местного образования – оно оставляло желать лучшего. К счастью или к сожалению, недавно старые дома по соседству снесли и построили новый жилой комплекс. Это немного улучшило контингент учеников, но после уроков заняться детям было почти нечем. Кроме того, она мечтала переехать в более зеленый район, но для этого нужно было начать хоть что-то делать. В этом ей могли бы помочь ее кулинарные увлечения. Она мечтала открыть простое, уютное кафе, куда люди возвращались бы снова и снова, они рекомендовали бы его своим друзьям. Можно было бы приготовить сегодня то, что делали на курсах, но сейчас у нее не было никакого желания.

Вчера за утренней чашкой кофе ее тревожили мысли о работе и жилье. Позавчера ее голова была занята тем же. Единственное, что менялось, так это планы на основное меню для ее будущего кафе. Все остальное шло по привычному сценарию.

В доме было тихо, словно его окружала толща воды. Сквозь окно проникали лучи утреннего солнца, в которых медленно кружились пылинки, как мелкий планктон. «Сначала стоит прибраться», – подумала Ынчжу, допивая кофе.

В этот момент кто-то позвонил в дверь. Этот кто-то будто ждал, пока она сделает последний глоток. Чтобы свекор не проснулся, она быстро подбежала к входной двери и ответила в трубку домофона:

- Кто там?
- Полиция. Ли Ынчжу дома?
- Минуту.

Она надела тапочки и выглянула за дверь. Через открытые ворота во двор вошли двое. Тот, что помладше, достал из кармана куртки удостоверение и сказал:

- Мы из полиции. Вы должны пройти с нами.
- А что случилось?
- Мы хотим задать вам несколько вопросов как свидетелю по делу о смерти мужчины.

Позже она не раз пожалела, что пошла с ними. Обычная домохозяйка инстинктивно предпочитала не иметь никаких контактов с представителями правоохранительных органов, но в тот момент без особых раздумий пошла вслед за ними. Сев в машину, она вдруг опомнилась: «Подождите!» – и побежала домой за телефоном. Она крикнула сидящему за компьютером мужу, что «ненадолго отлучится в полицейский участок». Она так торопилась, что не запомнила, ответил он или нет.

По дороге в отделение Ынчжу вспомнила, как на той неделе пьяный пожилой мужчина упал в ручей и утонул. Ручей огородили желтой лентой, на месте происшествия работали криминалисты, а начальник полицейского участка весь день только расхаживал по району и орал на всех. Он изображал активную деятельность еще несколько дней. Местные шептались, что это была несчастная смерть. Ынчжу тоже ходила посмотреть на место происшествия. Но тем

все и кончилось. Полиция пришла к выводу, что это был несчастный случай. Она постаралась выкинуть из головы всю эту историю, ведь погибшего она совершенно не знала. Она и подумать не могла, что ее вызовут в полицейский участок как подозреваемую.

Ынчжу вошла в комнату для допросов. Внутри стоял только письменный стол. Одна стена была зеркальной – через нее снаружи можно было наблюдать за происходящим в комнате. За ней обычно сидели свидетели – если таковые были – и несколько полицейских. Именно они по выражению лица определяли, лжет человек или нет. Ынчжу впервые попала в полицейский участок, не то что в комнату для допросов. Впрочем, обстановка была ей знакома по фильмам и сериалам, так что она понимала, что будет дальше. Но все же это был не фильм и не сериал, и она почувствовала, как грудь сдавило незнакомое чувство тревоги и страха, она понимала, что сейчас может произойти что-то серьезное.

Следователь сел перед Ынчжу, переписал данные ее паспорта и спросил номер телефона. Она отвечала на вопросы вежливо, старалась оставить о себе хорошее впечатление, но быть угодливой она не собиралась. Детектив записал все ответы и, не отводя взгляда, спросил:

– Где вы были в прошлый понедельник около двенадцати часов ночи?

Ынчжу на мгновение задумалась. Она ответила, что в прошлый понедельник она впервые за долгое время встретилась со своими школьными подругами. Они вместе поужинали, выпили, сходили в караоке и разъехались по домам на такси. Ынчжу вернулась домой до полуночи. Да, так она и ответила. Она хотела спросить, почему ей задают такие вопросы, но не осмелилась.

– По нашим данным, вы вернулись домой около часа ночи.

– Правда? Наверное, так оно и было. А зачем нужна эта информация?

– Вы сказали, что разошлись в одиннадцать часов ночи, верно?

– Да.

– Не могли бы вы дать контакты подруг для уточнения обстоятельств.

Ынчжу вежливо и спокойно продиктовала номера подруг, с которыми виделась тем вечером. Она подумала, что правильно сделала, взяв с собой телефон. Ее допрашивали двое: тот, что постарше, который задавал вопросы, – следователь Чхве, и молодой рядом с ним – следователь Ким – вышел из комнаты, чтобы позвонить ее подругам и сверить показания женщины.

– Из такси вы вышли около половины двенадцатого и направились домой вдоль ручья, верно?

– Да, это самый короткий путь.

– Вы видели господина Кан Инхака?

– Нет, не видела.

– Вы знакомы с господином Кан Инхаком?

– Это ведь тот, кто поскользнулся и погиб на той неделе?

– Ясно, все-таки знаете.

– Да не знакома я с ним!

– Тогда откуда у вас информация, что именно он погиб на прошлой неделе? Мы не сообщали его имени.

– Когда мы приехали в участок, кто-то из вас сказал, что я здесь по этому происшествию.

Чхве замолчал и на мгновение посмотрел на Ынчжу. В дверь постучали, вошел полицейский с полиэтиленовым пакетом, в котором лежала пара женской обуви. Ынчжу узнала свои туфли.

– Ваши?

– Да.

– Видите на них остатки травы и грязи?

– Да, вижу, почему вы спрашиваете?

– Если бы, выйдя из такси, вы сразу пошли домой, я бы не спрашивал вас об этом. Результаты экспертизы покажут точнее, но здесь и так понятно, что это земля с места гибели Кан Инхака. В тот день лил дождь. Поэтому я делаю вывод, что вы шли не по тропинке вдоль ручья, а спускались вниз к воде.

– Нет, я сразу пошла домой! Это я на следующий день спускалась к ручью посмотреть. Поэтому на ботинках грязь.

– Зачем же вы туда ходили?

– Что, простите?

– Вы когда-нибудь слышали, что убийца всегда возвращается на место преступления?

Только сейчас Ынчжу поняла, что ее допрашивают не как свидетеля, а как подозреваемую. У нее перехватило дыхание, она смотрела в глаза следователю. Мысли о том, что полиция может сфабриковать дело, что она сядет в тюрьму до конца своих дней, что ее сгноят в колонии или казнят, вспышкой пронесли у нее в голове. «Если меня посадят, то дети не поступят в институт», – думала она. Ынчжу смотрела на детектива, не в силах сказать и слова.

– Вы думаете, это я убийца?

– А вы убийца, Ынчжу? – выдержав паузу, спросил следователь Чхве, не сводя с нее глаз.

Вопрос не требовал ответа. В дверь постучали, зашел его коллега Ким и что-то прошептал ему на ухо. Из обрывков фраз она поняла – подруга рассказала, что они разошлись около одиннадцати, и подтвердила, что Ынчжу села в такси. Она напряженно размышляла, помогут ли ей показания подруги. В этот момент Чхве снова обратился к ней:

– Что и ожидалось услышать. Вы действительно сели в такси чуть после одиннадцати и, похоже, вышли из него до полуночи. Нужно еще спросить у таксиста, чтобы знать наверняка. До вашего дома идти не больше десяти минут, но вы пришли домой около часа ночи. Что вы делали оставшееся время?

– Нет, я точно пришла домой до полуночи. Откуда у вас такая информация? Соседка сказала, да? Она пьет и целыми днями играет в карты, та еще обманщица! И этого мужчину я ни разу не видела, зачем мне его убивать? Я его даже не знаю! Кто вообще убивает незнакомцев? А грязь... на ней что, дата написана? Я вам сказала, что ходила к ручью на следующий день. Как вы с такой легкостью можете обвинять человека в убийстве? Теперь так у нас полиция работает? Если вы думаете, что его убила я, представьте доказательства!

* * *

Следователь Чхве позвонил начальнику районного участка: она сама удивилась тону, которым разговаривала со следователями, но поняла, что это было разумно и обоснованно. И откуда взялась у нее эта храбрость? Выражение лица Ынчжу приобрело решимость, с которой она пристально смотрела на следователей. Ведь она просидела в участке уже целый час.

– Кстати, шеф. Тому, кто назвался свидетелем, можно доверять?

– Ты же сам с ним говорил.

– Поговорил. Свидетель сказал, что четко помнит, как выглядела женщина в тот вечер. К тому же эту одежду нашли в шкафу подозреваемой.

– Ну, и?..

– Во всем этом нет логики. Она не знает покойного. Домашний и мобильный телефоны погибшего проверили и не нашли никаких свидетельств того, что она звонила или писала ему. Должна быть какая-то связь, но ее нет. Нет доказательств, что они были знакомы.

Участковый слушал с серьезным видом. Но думал он не о деле, а о том, почему этот Чхве, который младше его, вообще позволяет себе подобные рассуждения. Если происходит несчастный случай, то от следователя требуется лишь оцепить место преступления, разыскать свидетелей и начать дознание – одним словом, протокол и рутина. Но вместо того, чтобы про-

сто делать что полагается, Чхве стал ему названивать и разглагольствовать по поводу связи подозреваемой и покойного.

В это мгновение начальник полицейского участка ощутил усталость с примесью раздражения. А ведь у него диабет, ему нельзя перенапрягаться. Он и так завален работой. Тут еще этот Кан, вроде бы уважаемый человек, а погиб, упав в ручей. Ручей ли это? На ручей теперь мало похоже. Недавно там начались работы по углублению дна, да еще из-за проливных дождей уровень воды сильно поднялся. Утонуть можно было запросто.

Вот и все дела. Начальник полиции погрузился в философские размышления о том, что Кану просто не повезло. Он возвращался домой под мухой. Когда нашли тело, то обнаружили, что ширинка брюк была растегнута. Очевидно, что Кан справлял малую нужду, упал в ручей и погиб. Этот инцидент будет расцениваться как смерть в результате несчастного случая, сомнений не было.

Участковый одинаково ненавидел все преступления, будь то убийства или простые грабежи – они всегда доставляли ему массу хлопот. И совсем неважно, кто их совершал. В этом смысле начальник полиции имел стабильную систему ценностей, презирая не людей, а их грехи. Тем не менее надо было сделать несколько утомительных вещей, например, обеспечить неприкосновенность места преступления, проверить, нет ли случайных свидетелей, а также оповестить членов семьи покойного. К тому же, раз инцидент произошел на вверенном ему участке, ему предстояло заполнить немало документов.

Участкового раздражало отношение следователей из центра. Особенно этого Чхве, которому по возрасту еще в помощниках инспектора надо ходить. Он слишком задирает нос и раздражал тем, что не мог раз и навсегда покончить с этим делом.

Раньше он думал так: «Хорошо тут – тихо, спокойно. Слишком стар я для оперативной работы. Приеду в этот район – хорошенько отосплюсь». Теперь он сам поражался тем мыслям. Если что-то случается в жилом комплексе, хозяева квартир вызывают охрану. Но здесь, в частном секторе, чуть кто воздух испортит, местные тут же звонят в полицию. В этом районе аренда жилья низкая, поэтому много рабочих-мигрантов – напиваются, дебоширят, кто-то под мухой жену поколотит – не наездишься на вызовы. Какое тут отоспаться, когда столько мороки? Сейчас же он еле сдерживал раздражение. Будучи человеком злопамятным, он твердо решил, что никакого содействия эти молодые следователи от него не дождутся.

И тут появился свидетель. Он сам позвонил. Незнакомец, спросивший о ходе расследования смерти мужчины, утонувшего в ручье на прошлой неделе, был явно молод. Это поражало. Когда начальник ответил, что дело сочли несчастным случаем, человек на другом конце провода выразил недоумение.

– Я случайно оказался на месте преступления.

– Так, и?

– Я видел жертву. Он мочился в ручей, когда кто-то подошел к нему сзади и толкнул.

– И дальше что?

– Что вы имеете в виду? Ваша работа ловить преступников, разве не так?

– О, если дело в этом, пожалуйста, свяжитесь с отделом расследований.

– А вы разве не принимаете заявления от граждан?

– Вы можете сообщить о преступлении, но вам все равно придется прийти в полицейский участок и написать заявление, так зачем вам этим заниматься дважды? Свяжитесь напрямую. Так, какой у них там номер? Ах да, 114.

Начальник участка посчитал, что этого будет достаточно. Но через несколько секунд свидетель продолжил, и его слова звучали настолько резко, что сахарный диабет участкового вновь дал о себе знать.

– Послушайте, теперь так работает корейская полиция? Я же говорю, что видел преступление, а вы перенаправляете меня по номеру 114 в другой отдел? Я вам звоню со смартфона,

понимаете. Я могу записать наш разговор, пойти с ним в прокуратуру и подать, собственно, на вас жалобу.

Начальник полиции хотя и был ленив, но не был плохим человеком. В наше время, если вам не повезло, вас могут уволить просто за то, что на вас подали жалобу. Поэтому он сразу же поменял свое отношение к ситуации:

– Предлагаю явиться в полицейский участок и подробно рассказать о преступлении, очевидцем которого вы стали.

Свидетель пришел через несколько часов. Он оказался более приятным молодым человеком, чем представлял начальник. Зайдя в участок, он первым делом извинился за свой тон во время телефонного разговора и попросил отнестись к инциденту с пониманием. А также пояснил, что несколько дней он был сам не свой после того случая с утопленником. У начальника остался осадок от того телефонного разговора, но извинения он принял. А затем, проверив документы свидетеля, внимательно выслушал его показания и решил, что ему можно верить. В конце концов он пришел к выводу, что происшествие на ручье не было несчастным случаем. Это было убийство.

Слухи о том, что Ынчжу увезли в полицию как подозреваемую, быстро разлетелись по району. Квартирантка видела, как проходил обыск в доме и что следователи забрали ее обувь и одежду.

Пожилая женщина, которая в их доме снимала комнату, накануне всю ночь напролет играла в карты и поэтому проспала до обеда. Она так расстроилась, что проиграла деньги, что у нее совсем не было настроения. Только появление полиции расшевелило ее. Со стороны это выглядело так: Ынчжу куда-то ушла, затем пришли полицейские и забрали вещи хозяйки. Ее муж ругался на весь двор, так, что слышали все постояльцы: «Вы не можете просто так приходиться и забирать вещи моей жены!»

«Неспроста он так кричит», – с удивлением подумала соседка, как вдруг вспомнила, что несколько дней назад видела этого следователя в их округе. Она торопилась на очередную партию, но в этот момент он ее окликнул и спросил, не заметила ли она чего-нибудь подозрительного вечером прошлого понедельника. Например, во сколько ее хозяйка вернулась домой в тот вечер и не выглядела ли она странно. Соседка рассказала, что Ынчжу вернулась домой в районе часа ночи. Сама она возвратилась около полуночи, но долго не ложилась спать. Она слышала об утопленнике, но до того момента думала, что все ограничится обычным расследованием. То, что полиция забрала в участок Ынчжу, точно не подходило под определение обычного.

Чувствуя драматизм ситуации, она вскочила с кровати, нанесла солнцезащитный крем и побежала в местный магазинчик.

– Это что ж происходит-то? Ынчжу забрали в полицейский участок. Похоже, все из-за того несчастного случая, который произошел несколько дней назад.

Она решила поделиться с владельцем магазинчика, но тот не проявил должного интереса. Но покупательница, которая рассматривала полку с мылом, внимательно ее выслушала. Она была озадачена: «И зачем такой женщине, как Ынчжу, было идти на убийство? Она ведь и университет окончила, и семья мужа далеко не бедствовала. Говорят, ее свекор в прошлом занимался очень прибыльным делом». И так в общественных пересудах догадок было больше, чем фактов. Женщины не знали, что полиция тоже ломает голову над произошедшим.

Именно в этот момент Хосон решил действовать. Убедившись, что его жену арестовали по подозрению в убийстве, он немедленно схватил телефон и стал искать знакомых, в основном из полиции и прокуратуры. Но с тех пор, как Хосон уволился и открыл частные курсы, он редко встречался с друзьями, а после того, как его бизнес прогорел, вообще ни разу ни с кем не виделся. Его приятелей смущало, что жену подозревали в убийстве. Им не хотелось хлопотать за кого-то малознакомого, да и дело было серьезное, а не какая-то мелочь вроде вождения в нетрезвом состоянии. Так что друзья заканчивали разговор, невнятно бормоча, что узнают все

и перезвонят. Хосон был человеком доверчивым и даже наивным, поэтому не выпускал из рук телефон и с нетерпением ждал, когда они свяжутся с ним.

И тут раздался телефонный звонок, но не тот, которого он ждал. Звонил отец.

– Живо иди домой!

– Отец, я в полицейском участке.

– Сейчас же!

– Ынчжу арестовали, так что мне нужно...

– Ты все равно не разберешься сам. Только зря звонишь всем подряд. Так что давай домой!

Отец бросил трубку. Хосон был человеком покладистым и почти никогда не перечил отцу, но на этот раз разозлился. Неужели ему придется уйти сейчас и оставить ее в такой ситуации? Он даже не просил его о помощи. Тогда почему он позвонил? Как он узнал, что Хосон в полицейском участке? Гнев и раздражение победили желание получить ответы на все эти вопросы. Хосон сразу вспомнил, насколько отец был упрямым и как он всю жизнь высказывал недовольство по любому поводу, но он фактически никогда не ссорился с отцом и не перечил ему. Его злило собственное незавидное положение: внезапная отставка и фиаско в бизнесе. Но больше всего его злила мысль о том, что все могло сложиться по-другому, не будь он безвольной тенью деспотичного отца. Как же ему все это надоело!

Хосон встал и вышел из полицейского участка. В этот момент он подумал, что, возможно, стоит вернуться к отцу – все равно он пока ждал звонков от знакомых. Хосон сел в свою белую «Хёндэ Сонату», припаркованную во дворе участка, и еще раз посмотрел на здание. Ему было стыдно перед женой. Злость и досада вновь подступили к горлу. Он выжал педаль газа и уехал.

Полиция запросила ордер на срочный арест Ынчжу, чтобы она не успела скрыться. Без этого они могли задержать ее только на сорок восемь часов. У Ынчжу не было алиби, и, что хуже, нашелся свидетель. У следствия возникли разногласия относительно мотива преступления, а точнее, мотива у нее вообще не было.

– Кан Инхак и Ли Ынчжу могли знать друг друга? Зачем иначе ей его убивать? – сказал Чхве.

Он понимал, что в этом деле есть несостыковки, ведь с самого начала все выглядело как несчастный случай. Богачи вроде Кана так просто не умирают. Доказательств у него не было – только предположения, основанные на опыте работы в полиции. Если у Кана было столько денег, он мог бы переехать в новую квартиру в современном жилом комплексе, но он предпочитал свой старый дом в этом старом районе. Похоже, покойный был человеком упрямым. Таких обычно недолюбливают, а если они еще и богаты, то и вовсе ненавидят.

«Смерть в результате несчастного случая семье только на руку. Но в жизни такое случается редко», – подумал Чхве.

Следователь Ким оказался прямолинейным:

– Разве в этом деле все очевидно? Думаете, убить может каждый? Зачем обычной домохозяйке сорока лет в своем уме кого-либо убивать?

– Не спрашивай зачем, я сам не знаю. Убийство есть убийство. Как ты по внешности определишь, в своем уме человек или нет? У нас имеются показания свидетеля, которые мы не можем проигнорировать, поэтому нам просто необходимо получить признание подозреваемого.

Ынчжу так ни в чем и не созналась. Захлебываясь рыданиями, она все равно стояла на своем и утверждала, что не видела Кана перед смертью. Полицейские угрожали ей детектором лжи, на что она потребовала позвать адвоката.

Работы у следователя Чхве становилось все больше. Ордер на арест Ынчжу, ради которого пришлось обращаться в суд, не принес никаких результатов. Более того, на прошлой неделе от коллег по службе он узнал, что единственный не получил звание лейтенанта. Чхве

так и оставался сержантом, хотя не мог понять почему – он трудился, как все, был вежлив со всеми, получал благодарности за свою работу, как и все. Чхве решил, что любой ценой получит повышение в этом году, и с рвением взялся за дело.

Однако все шло не по плану. Ему уже дважды звонили «сверху». На него не пытались надавить, никаких указаний о том, чтобы он немедленно закрыл дело или отпустил преступницу, не поступало. Но вопросы типа: «Есть ли связь между фактами?», «Был ли ордер?», «На каких основаниях производился обыск?» – можно было счесть давлением. Энтузиазм Чхве постепенно угасал. Он должен был раскланиваться перед молодыми офицерами, новоиспеченными выпускниками полицейской академии, а ведь сам он не просиживал в участке – постоянно рисковал жизнью. «С другой стороны, что звание лейтенанта принципиально изменит?» – думал он. Дело Ынчжу выглядело тупиковым. Проблемы начались, уже когда они арестовали подозреваемую без единого мотива. Именно Чхве настоял на аресте. Лучше всего было бы получить чистосердечное признание, а не давить на подозреваемого, тем более без судебного ордера.

Чхве сосредоточенно просматривал материалы дела. В этот момент зашла коллега и сказала: «К вам пришли». Чхве поднял голову и увидел пожилого мужчину в инвалидном кресле, медленно въезжающего в кабинет отдела по расследованию убийств.

– Вы по какому вопросу?

– Здравствуйте. Я здесь, потому что слышал, что у вас моя невестка.

Только тогда Чхве заметил Хосона, который толкал коляску отца. Он выглядел подавленно и смущенно, будто ребенок, сжимающий мамину руку на пороге учительской.

– Если вы пришли по делу Ли Ынчжу, то вам лучше вернуться домой и немного подождать, мы вам...

– Уважаемый господин следователь, я пришел сюда не за тем, чтобы ждать. Присядьте, я вам все расскажу.

– Извините, я сейчас занят, поэтому...

– А вы выслушайте!

Старик говорил громко и эмоционально. Его лицо было испещрено морщинами, кожа покрыта пигментными пятнами, но во взгляде – ни намек на близкий конец. Он передал Чхве шелковый сверток, который до этого лежал у него на коленях. Следователь посмотрел на старика с недоумением.

– Сверху лежит сертификат, подтверждающий мое участие в качестве делегата в Объединенном самостоятельном гражданском собрании Кореи 1978 года, – сказал старик.

Следователь не мог вспомнить, где он слышал название этого органа управления, но, повинувшись воле пожилого человека, молча стал рассматривать документ в рамке.

Старик продолжал:

– Под ним документ, в котором говорится, что я был главным представителем от молодежи. Мне его в полиции вручили. А дальше благодарность, которую я получил от «Движения за новую деревню». Тогда его руководителем был Чон Кёнхван, брат тогдашнего президента Чон Духвана. Великий человек! Военный, политик, журналист. Он участвовал в формировании гражданских общественных объединений! Было дело, я с ним даже выпивал.

Чхве смотрел на документы, которые показывал ему пожилой мужчина, на его заслуги и подвиги. Сами грамоты и благодарности, похоже, хранились где-то на шкафу. На это указывала пыль по краям, видимо, рамки достали в спешке и не успели толком протереть.

– Я вам это показываю, чтобы убедить, что правильно воспитывал своих детей. Мой сын и мухи не обидит, и жена у него такая. Она последние годы ухаживает за мной. Где моя невестка и где убить человека? Когда я думаю, чья же это была идея, то сразу в голову приходит ваш начальник. Вы не подумайте, я хоть и парализован, но уши все слухи слышат. О нем ничего

путного не говорят. Лентяй он, ходит по району и только зарплату зря получает. Стыдно быть таким полицейским, стыдно!

Старик говорил без остановки, казалось, что он не замолчит никогда. Монолог продолжался бы часами, но он устал и попросил сына принести стакан воды. Следователь Чхве сочувствовал Хосону и решил обратиться к нему, пока старик пил:

– Сейчас мы ведем расследование, это наша работа, поэтому возвращайтесь домой и ждите. Мы не арестовываем невиновных.

Старик допил и продолжил командным голосом:

– Я звонил домой погибшему Кану. Номер попросил у начальника полиции. Несмотря ни на что, сын Кана был добр ко мне – люди, повидавшие жизнь, как я, чувствуют сразу по голосу. Я рассказал ему, что мою невестку арестовали по делу об убийстве его отца, и он спросил, зачем ей это. Даже домочадцы Кана думают, что версия с убийством – нелепость. Сын погибшего рассказал, что у отца были слабые ноги. В прошлом месяце он упал, ему пришлось даже обратиться в больницу с растяжением связок. Разумеется, в полиции вся эта информация уже имеется, я прав?

– Я понимаю, о чем вы говорите, но расследование преступления – дело не такое простое.

– Простое или нет, голова на плечах должна быть, логика!

Старик повысил голос. История его жизни в документах, которые он принес с собой, телефонный разговор с семьей покойного – ничто из этого не добавило ясности, но Чхве был впечатлен. В старике чувствовались сила, напористость и необычная прозорливость, подпитываемые непоколебимой самоуверенностью. Его словам невозможно было не поверить.

Кроме того, старик смотрел в самую суть. Мотивы убийства выходили за рамки здравого смысла, земля на ботинках не была неопровержимой уликой, как и показания свидетеля, которые этот уважаемый человек отрицал.

– Какая ширина ручья?

– Не знаю. Метров пятьдесят.

– Неужели посреди ночи там можно было что-то рассмотреть с такого расстояния?

– Кан Инхак стоял в освещенном месте, так что вполне возможно.

– Разве лицо получится рассмотреть с такого расстояния? Что-то видно, кроме силуэта?

– Но нам точно описали действия и внешний вид подозреваемой.

Однако ордер не выдали в силу недостаточности оснований. Свекор Ынчжу потребовал, чтобы следователь Чхве еще раз встретился с пожилой соседкой Ынчжу и свидетелем. Показания очевидца не изменились. А вот соседка, как и ожидалось, на этот раз уже не могла точно сказать, вернулась подозреваемая в двенадцать ночи или в час.

Чхве и так утратил уверенность, а отсутствие доказательств только усугубляло положение. Кроме того, недавно произошло странное убийство жены врача. Расследовать это громкое дело бросили всех местных полицейских, убийством Кан Инхака заниматься никто не хотел, тем более никто не понимал, было ли это вообще убийством.

«Вот всегда так... – подумал следователь. – В каждом деле всегда есть что-то необычное и странное, то, что мы не можем объяснить логически. Недостаточно зацепок, не хватает времени и людей. Раскрыть дело – значит понять мотив преступления, который не противоречит фактам и здравому смыслу». Ли Ынчжу освободили и отправили домой, а следователь Чхве принес искренние извинения. «В самом деле, кто еще в современном мире живет с парализованным свекром?» – на мгновение он почувствовал угрызение совести за то, что он заподозрил добропорядочную женщину в убийстве человека, которого она никогда даже не видела. Уходя, Ынчжу даже не взглянула на следователя, ее муж поступил так же. Они сели в их белую «Хёндэ Сонату», припаркованную во дворе полицейского участка, и уехали.

* * *

Вернувшись домой, Ынчжу приняла душ и сразу отправилась спать. В последнее время муж ночевал в кабинете, так что она могла побыть одна. Свекор лежал у себя в комнате и сегодня не звал ее. Дети уснули за книжками. Возможно, муж предупредил их: ложиться спать и не ждать их возвращения.

С наступлением ночи дом погрузился в тишину. Все члены семьи уснули. Все, кроме Ынчжу, которая продолжала ворочаться. Она и подумать не могла, что когда-нибудь станет подозреваемой. Ынчжу не убила бы того мужчину, если бы хоть на секунду задумалась о возможном свидетеле. Она убила его с полной уверенностью, что никто об этом никогда не узнает. «Кто же меня увидел?»

Глава 2

Поправимое и непоправимое

Шесть часов утра. Ынчжу проснулась и стала по привычке готовить завтрак. Услышав громыхание посуды на кухне, ее муж спустился вниз и сказал, чтобы она сегодня поспала подольше – он сам займется отцом. Но Ынчжу отказалась. Она уже встала, да и лучше просто стряпать что-нибудь на кухне, чем лежать и думать о свидетеле. Всего за несколько дней дом стал для нее чужим, все вокруг казалось таким далеким, будто оторванным от реальности. Не понимая, что именно она чувствует, Ынчжу накормила детей завтраком, услышала от них, что они ее любят, и прошептала в ответ: «И я вас», затем убрала со стола. Хосон хотел было что-то сказать ей, но передумал и вернулся в кабинет.

Ынчжу приготовила кашу и отнесла ее свекру. Тот пожаловался на больную спину.

– Давайте помассирую спину?

– Не надо.

Ожидая, пока свекор все медленно доест, Ынчжу включила новости. Курс валют, объем экспорта, котировки акций, убийство жены врача... Она молча уставилась в телевизор. Как только свекор доел кашу, она вытерла ему рот, уложила в постель и вышла из комнаты.

В доме было тихо, словно его окружала толща воды. Ынчжу пила кофе и размышляла, кто может быть тем самым таинственным свидетелем. Он откуда-то все видел – Ынчжу понимала, что ходит по краю. Вдруг ее охватили тревога и беспокойство. Она прекрасно понимала, что тревоги и страх и дальше будут преследовать ее, и это ее угнетало. Еще несколько дней назад она была образцовой домохозяйкой, что же пошло не так? Ынчжу поставила кружку с недопитым кофе в раковину и быстро вышла из дома.

Во дворе она столкнулась с пожилой соседкой. Увидев Ынчжу, та выпучила глаза, остановилась, но потом все же подошла к ней и сочувствующе спросила:

– Ну как ты, держишься, голубушка?

– Голубушка?

Стараясь скрыть острую неприязнь, она посмотрела на соседку. Очевидно, та имела в виду слухи про ее визит в полицейский участок, которые расползлись по округе. Ынчжу с радостью прогнала бы эту нахалку из дома, но она сразу поняла, к чему это приведет. Квартирантка подумает, что совесть Ынчжу нечиста, и по всему району опять пойдут сплетни. Да и не стоила соседка таких нервов после всего пережитого. Дело еще не закрыли. Следователи могли вернуться в любой момент.

– Спасибо, все нормально, – сказала Ынчжу и вышла со двора.

Соседка, которая заметно нервничала во время разговора, с облегчением вздохнула. Конечно, новость о том, что невестка хозяина дома связана со смертью мужчины у ручья, потрясла всех местных жителей и дала повод для пересудов. Никто не мог поверить, что Ынчжу совершила убийство. Да что там совершила, даже имела малейшее отношение к нему.

Соседке действительно было жаль Ынчжу. Она попыталась вспомнить детали той ночи. Кажется, Ынчжу вернулась домой в начале первого. Женщине стало казаться, что следователи специально задали ей вопрос с подвохом. Ее стали одолевать угрызения совести. Но вскоре все ее мысли снова заняли карточные долги, и она вернулась в свою комнату.

Выйдя за ворота, Ынчжу, как обычно, поднялась на холм, чтобы сделать зарядку. Стояла ясная летняя погода, цикады трещали особенно громко. Она стала вспоминать, как двадцать лет назад они с Хосоном впервые оказались вместе в этом районе. Тогда он считался элитным. Многие дома были спроектированы с учетом коэффициента полезной площади, так, чтобы

под одной крышей могли жить три-четыре поколения. В те времена было модно отделять фасады красным кирпичом, кто-то даже строил дом с просторным двором и садом.

Для Ынчжу, которая со школы жила в двадцатиэтажке, дом с большим двором казался несбыточной мечтой. Он символизировал беззаботность и спокойствие, тепло и достоинство, а еще светлое будущее с ее милым Хосоном, который был старше ее на четыре года. Они шли по тихим улочкам этого района, мимо домов с просторными дворами, мимо изгородей из плетистых роз. Он нежно держал ее за руку, будто вел ее в новый мир, о котором она совсем ничего не знала. В тот момент Ынчжу была готова пойти за любимым хоть на край света. Она верила, что там, за воротами дома, ее ждет двор и сад с высокими деревьями.

Дом Хосона располагался в глубине района. Там дворы и сады были большой редкостью, вокруг теснились домики из красного кирпича, которые в основном сдавались в аренду квартирантам. В тот день Хосон повел ее к дому по самой длинной дороге. Гораздо быстрее было проехать одну остановку на автобусе, спуститься к ручью, а там и до дома недолго. Ынчжу иногда спрашивала себя, почему Хосон повел ее по длинному пути. Может, хотел показать ей розы. А может, не хотел показывать все эти фабрики возле ручья.

В любом случае в доме, возле которого тогда остановился Хосон со словами «Вот мы и пришли», не было ни сада, ни изгороди из роз. За широко распахнутыми воротами – они всегда были открыты, потому что там, насколько Ынчжу помнила, жили десять семей – она увидела дом с пристройкой и залитый цементом унылый двор. Хосон виновато улыбнулся, будто извиняясь за обманутые ожидания. Но тогда она была настолько поражена размером дома, что у нее не было времени расстраиваться из-за несбывшейся мечты.

Ее свекор рассказывал, что, когда в семидесятые начался спрос на школьную форму, производством которой он занимался, он купил землю рядом с фабрикой и построил там дом. Он считал, что настоящий мужчина должен построить свой дом до сорока лет, и сделал все возможное, чтобы успеть это осуществить. Снаружи свекор отделал дом гранитной плиткой, которая была популярна в семидесятых, а на окна установил железные решетки, чтобы не залезли воры. Для сада он выбрал самые дорогие саженцы.

Хосон иногда вспоминал тот день, когда семья переехала в этот район. Они подъехали к дому на личной машине с водителем. Все местные – от взрослых до сопливой детворы – сбежались посмотреть на них.

Свекор любил детей, потому что все они носили школьную форму. Каждый раз, встречая на улице ребенка, он наставлял его: «Подрастай скорее и иди в школу». Кроме того, свекор любил политику. Он был твердо убежден, что, если заручиться поддержкой должностного лица, можно без проблем получить разрешение на строительство фабрики, покупку земли и даже личного автомобиля. Безопаснее всего можно получить лицензию, заплатив нужным людям, а не дожидаться ее в установленном порядке – так он полагал.

Благодаря интересу к политике свекор в 1978 году баллотировался в Объединенное самостоятельное гражданское собрание. Вообще-то он мечтал попасть в парламент, но все обстоятельства были против него, поэтому он пошел на компромисс сам с собой и согласился на должность выборщика. Ему повезло, поскольку это место предназначалось директору местной школы, но тот погиб в автокатастрофе. Свекор вложил много денег, чтобы получить возможность участвовать в выборах. Несмотря на попытки жены его разубедить, он продолжал твердо верить, что в Республике Корея невозможно вести дела, не имея никаких связей с представителями власти.

В конечном итоге свекор стал выборщиком и участвовал в церемонии инаугурации 1978 года, которая проходила на центральном стадионе в Сеуле. Тогда он волновался сильнее, чем сам президент Пак Чонхи, который победил на выборах. Дома устроили застолье, а всем работникам фабрики он выдал премию. По этому случаю они всей семьей даже пошли в ателье,

чтобы сделать фотографию, которая до сих пор висит в комнате на втором этаже. То время было вершиной славы свекра Ынчжу.

Через год после выборов Пак Чонхи застрелили, что стало большим потрясением для отца Хосона. Смерть президента спутала ему все карты. Он и подумать не мог, чтобы кто-то, кроме Пак Чонхи, мог занять пост президента. Свекор Ынчжу наблюдал, как в США Форд сменял Никсона, Картер – Форда, подобная система казалась ему странной и неэффективной. В его представлении стране было достаточно одного президента, как и одного завода по производству школьной формы.

Но это потрясение было не единственным. Свекор, который был убежден, что в стране может быть только один такой завод, узнал об отмене единой школьной формы. Используя свое научное и рациональное мышление, он тщательно изучил демографическую ситуацию в стране и пришел к выводу, что между серединой шестидесятых и началом семидесятых родилось рекордное число детей. Все они пойдут в школу, так что его бизнес будет приносить прибыль, даже если он не будет расширяться. Но эта мечта разбилась о суровую действительность.

Именно тогда свекор перенес первый инсульт. Выздоровление шло медленно, он перестал призывать ребятню скорее подрастать и идти в школу. Он смотрел на мир крайне скептически и с большим недоверием.

«Я не могу быть уверенным, что завтра утром солнце взойдет на востоке», – часто говорил он.

Свекор старался принимать обдуманное решения, но долго мучился от того, что его выбор может привести семью к разорению. Он не смог до конца смириться с этим, ведь он был главой семьи и должен был дать образование и устроить браки своих детей. Тогда фабрика снова дала ему надежду. С мечтами об успешном бизнесе пришлось проститься, но осталась земля, а цены на нее росли. Школьную форму отменили, но его детей никто не отменял, и им нужно было где-то жить.

Свекор продал заводскую землю и купил новый дом, чтобы сдавать в аренду. В те времена повсюду сносились ветхие строения, и на их месте строили одинаковые малоэтажные коробки на несколько десятков квадратных метров. Все больше людей хотели купить готовое жилье, а не вкладываться в строительство. Поэтому вырубить сад и расширить дом для сдачи в аренду было очень практичным решением. Его статус делегата Объединенного самостоятельного гражданского собрания сыграл ему на руку. Он смог добиться разрешения администрации на пристройку и, нарушив несколько строительных норм, сделал на каждом этаже по пять комнат с одной кухней – всего десять комнат для квартирантов.

В тот день, когда Ынчжу с мужем впервые оказались перед этим домом, все десять комнат сдавались рабочим с соседних фабрик. На каждом этаже находилось по пять одинаковых дверей, рядом с каждой – газовый баллон. Над ними – типовые окошки. На перилах длинных балконов сушилось белье, на втором этаже напротив двери одной из комнат стояла молодая с виду женщина с ребенком на руках и смотрела на Ынчжу. В ее глазах читалась зависть к девушке, которой предстояло стать частью семьи домовладельца. Пусть у них и не было внутреннего дворика, тот завистливый взгляд немного сгладил разочарование Ынчжу.

Пристройка, предназначенная только для сдачи в аренду, и главное здание, воплощение роскоши экономического чуда семидесятых годов, снаружи выглядели весьма странно. Мама и четыре сестры Хосона стыдились жить в этом доме и не одобряли практические помыслы главы семейства. Но к тому времени сестры уже вышли замуж, поэтому в их комнатах на втором этаже жили совсем другие люди. Когда Ынчжу и Хосон сыграли свадьбу, в доме проживало в общей сложности двенадцать семей. В каждой комнате обязательно плакал ребенок, кто-то пил, дрался, и это все очень злило свекра. Мать Хосона должна была следить, чтобы на воротах всегда висело объявление «Сдаются комнаты», и держать свободные комнаты в порядке на случай, если их придут посмотреть новые квартиранты.

Но вскоре после того, как Ынчжу родила второго ребенка, а свекровь умерла от рака, люди стали съезжать один за другим. Человек, живший на втором этаже основного дома, уехал, получив собственную квартиру. Другие арендаторы разъехались после переезда фабрики. Тем временем сестры Хосона приезжали одна за другой, требуя свою долю наследства в виде кредитов, а третья даже подала в суд за то, что ей не отдали обещанные деньги. И каждый раз сестры Хосона советовали продать дом и переехать в квартиру, но отец их не слушал. С какого-то момента они перестали приезжать, а когда Ынчжу изредка созванивалась с ними, то они говорили, что устали бороться с отцом и его упрямством.

«Сами подумайте. Если продать дом и переехать в квартиру, сколько денег сможете выручить! Стоит прислушиваться к мнению окружающих. Отца и могила не исправит. Это старый район, он даже никогда не перестраивался! Я слышала, что тут есть гробница или что-то в этом роде времен эпохи Корё. Какой от нее прок? Место притяжения туристов, что ли? Нет. А может, он не хочет переезжать, потому что у него куча денег под кроватью спрятана. Проверьте, вдруг найдете».

И сам свекор, и все вокруг оставались неизменными. Со второй половины девяностых годов во время каждых выборов все окрестности гудели: жители бурно обсуждали, начнется ли на этот раз благоустройство района. Вдобавок поблизости построили современный жилой комплекс, и красочные баннеры с надписями вроде «Все, о чем вы мечтали, здесь» развевались на каждом перекрестке. На крыше сорокавосьмизэтажного жилого дома были установлены новые лампы, и в туманные дни он казался величественным замком. Некоторое время местные жители надеялись, что как только комплекс будет сдан, увеличатся цены на землю и появится новый бизнес в их районе, но вскоре эти надежды рухнули. Старожилы все чаще стали ходить в супермаркет, построенный рядом с новыми домами, поэтому старый рынок опустел.

В районе не построили ни одной новой дороги или здания. Почти все старые фабрики переехали, лишь несколько остались на прежних местах. В заброшенных домах часто собирались старшекласники и нюхали клей. Временами происходили несчастные случаи, но камер видеонаблюдения никто не установил. За фабриками, как говорила сестра Хосона, находились «беспольные гробницы эпохи Корё», которые никак не могли стать туристическими достопримечательностями: их раскопали, накрыли пленкой и благополучно про них забыли. Между заводами и древними гробницами были только дома людей, отказавшихся переезжать, опустевший рынок и комиссионные магазинчики. Перед каждым из них красовалась вывеска с надписью: «Сдается в аренду», как будто это было каким-то обещанием успеха.

Вдоль дороги, ведущей на территорию фабрики, протекал ручей. У Ынчжу перехватило дыхание. Здесь она убила человека. Может, свидетель видел ее, находясь на заброшенной фабрике, что за ручьем, или на пустыре напротив. Почему свидетель был там в столь поздний час? И зачем вообще она совершила это убийство?

* * *

В тот день Ынчжу встретила со школьными подругами. Они поужинали и пошли в ретробар. В последнее время как раз пошла мода на старину. Поэтому одна из подруг посоветовала это место, где на стенах висели пожелтевшие постеры французских мелодрам и играла музыка из семидесятых и восьмидесятых:

– Это место для престарелых. Для тех, у кого есть смартфон, но кто даже не знает, как скачивать на него музыку, для тех, кто молодится, колет ботокс и носит очки от дальновзоркости.

Ынчжу с подругами заказали лепешки с зеленью и, подливая друг другу рисовое вино, посматривали на соседние столики. Все как сказала подруга: ни одного молодого лица. Женщины обсуждали учебу детей, падение цен на жилье в районе и приближающийся выход мужей

на пенсию. Они мирно болтали под аккомпанемент мелодий сорокалетней давности. То же самое они обсуждали и на прошлой встрече, когда одна из подруг выдала, что беседа стала совсем скучной:

– Хватит уже о проблемах, сменим тему. Поговорим о мужчинах. Есть кто-нибудь симпатичный на примете?

– Если есть, оставьте его мне.

– Всем симпатичным уже тоже под сорок, но нам в любом случае уже ничего не светит.

– А ты уже все, помирать собралась? Мы минимум до ста лет доживем. Но хорошо бы найти способ достойно уйти лет в восемьдесят.

– Если хочешь пораньше уйти – пей, кури, там и до рака недалеко. Сейчас от него все умирают.

– Ты что! Так ты обузой для детей станешь. Спортом надо заниматься и вести здоровый образ жизни, чтобы жить качественно, а уйти из жизни пораньше безболезненно для всех.

– Одно другому противоречит. Если вести здоровый образ жизни, то пораньше не умрешь. Здоровый человек, как правило, живет дольше. Детей сейчас почти не рожают, а если так и дальше пойдет, то молодежь надорвется нас всех содержать.

– То есть мы сами себе пойдем могилы рыть? Ынчжу, твой свекор еще жив?

– Ну да, и пока умирать не собирается.

– О как. Гадалка говорила, что ему всего год остался. Помнишь? – спросила Хёнсук. Ынчжу училась с ней в одной школе и в университете. Она вспомнила, как три года назад подруга отвела ее к весьма сведущей гадалке.

– Говорят, что недавно эта гадалка стала получать послания от духов и ее сила только окрепла. У таких людей дар с рождения, но когда к ним начинают ходить толпами, силы пропадают. Может, спросить у нее, сколько твоему свекру осталось? – предложила тогда Хёнсук.

– Думаешь, мне стоит прямо ее спросить?

– Нет, я сама.

Хёнсук, долго не раздумывая, сразу начала:

– Моя подруга ухаживает за свекром, который перенес инсульт. Скажите, когда это закончится?

На удивление, гадалка не стала использовать в обряде рис для кормления духов или шаманские колокольчики. Вместо этого она включила ноутбук и запустила программу, которая замысловато рисовала созвездия. Хёнсук спросила:

– Я слышала, что на вас снизошел дух, а на самом деле вы просто гороскопы составляете? Так вроде только на Западе делают?

– Ко мне приходит западный дух. Он говорит со мной на английском, и я его понимаю. А то, что не понимаю, толкую с помощью этой программы. Представляете, как это тяжело?

– Похоже, вы хорошо знаете английский.

Хёнсук такое объяснение вполне устроило, но Ынчжу этот диалог показался жалким. Он будто был списан с какого-то глупого комедийного шоу. Она решила, что пятьдесят тысяч вон за консультацию с гадалкой должна заплатить ее подруга. Удивительно – дух, говорящий по-английски.

Гадалка напряженно смотрела в монитор:

– Твой свекор очень силен. Он слишком силен, и этим он душит своих детей, не давая им вырасти. Твоему мужу предначертано быть всю жизнь в тени отца. Его отец – тигр, а он сам всего лишь щенок рядом с ним. Как ему свободно дышать, когда рядом тигр? Но муж твой живет благодаря своему отцу. Дети ваши тоже живут за его счет. Но скоро всему придет конец.

– Чему конец? Хотите сказать, что удача отвернется от нас?

– Свекру твоему конец. Год, один только год остался. И как только он умрет, твой муж сможет вздохнуть свободно.

– О, всего год, поздравляю, – ляпнула Хёнсук.

За консультацию заплатила Ынчжу. В ее голове созрел план: дождаться смерти свекра, продать дом и переехать, а еще найти тайник с деньгами, неважно где, в одеяле или под кроватью, и открыть кафе. Ждать оставалось меньше года, ее мечта вдруг стала приобретать более конкретные очертания.

С того момента прошло три года, свекру тогда было восемьдесят семь. За это время Ынчжу записалась на кулинарные курсы, получила удостоверение повара и продолжала прилежно заботиться о свекре, который должен был вот-вот покинуть этот мир. Но свекор и не думал умирать – в этом году он собирался праздновать девяностолетний юбилей. Единственное, что менялось в жизни Ынчжу, так это рабочие-мигранты, которые снимали у них жилье.

«Смотри, твоему свекру скоро девяносто, значит, и мы до ста сможем дотянуть. И что нам теперь до ста лет делать?»

Подруги, перебивая друг друга, стали обсуждать незавидную жизнь их поколения и как всем приходится непросто. Их сильно развезло от алкоголя, но они все равно решили отправиться в караоке после бара.

Примерно в двенадцать часов ночи Ынчжу вышла из караоке и села в такси до дома. После шумного бара тишина в салоне казалась оглушающей. Настроение испортилось. Таксист оказался молчаливым и до конца поездки не проронил ни слова. В такой поздний час, да еще и в таком состоянии Ынчжу было разумнее всего добираться на такси прямо до ворот дома, а не идти пешком по безлюдной улице. Но она вышла на автобусной остановке и медленно пошла в сторону дома. По дороге ей не встретилось ни единой души. Несколько дней подряд шел дождь – влажный теплый воздух смешивался с тусклым светом фонарей вдоль ручья. И тут она увидела мужчину.

Быстрого взгляда хватило, чтобы понять, что он пьян. Мужчина стоял, запрокинув голову назад, выпятив надутый живот, и мочился в ручей. Ынчжу не знала его, но, проходя мимо, она ощутила дежавю и резко обернулась. Она увидела перед собой спину беззаботно стоявшего незнакомца. Вдруг она вспомнила один случай времен начальной школы.

Тогда она училась классе в четвертом. То ли ее оставили дежурить, то ли наказали, но, когда Ынчжу в расстроенных чувствах шла домой, уже смеркалось. Путь от школы до дома был неблизким. Надо было пройти через два надземных перехода, два обычных, потом перебраться по мосту через грязную речку и подняться по многочисленным ступеням в горку.

Через реку, что текла между фабриками, были перекинута два моста. Ынчжу шла по узкому пешеходному мосту, рядом был еще один – автомобильный. Пешеходный мост, который, по словам взрослых, был построен еще во времена правления японцев, сильно обветшал и разрушился. Несмотря на это, Ынчжу всегда ходила именно по нему – так до школы было быстрее всего. Хотя эту реку с натяжкой можно было назвать именно рекой, скорее это был мерзко пахнущий ручей – запах шел от отходов, которые сливали в него местные производства. Чтобы не чувствовать вони, Ынчжу дышала ртом. В конце моста она увидела какого-то старика, справляющего нужду. На том месте, где он стоял, даже ограждения никакого не осталось. Старик был пьян, его шатало, выглядел он жалко и одиноко. На мосту больше никого не было.

«Если резко толкнуть его в спину, он умрет, и никто об этом не узнает», – словно молнией пронеслось у нее в голове. У нее свело живот. Откуда пришел этот импульс? Ынчжу не могла понять ни тогда, ни потом, но этот импульс был таким сильным, что колени задрожали, а ноги сделались ватными. Во рту пересохло. Ынчжу встала как вкопанная, тело ее не слушалось. Она смотрела на мужчину и видела, как внизу медленно течет мутная вода, а на горизонте темнеет багровый закат.

«Вот сейчас», – промелькнуло у нее в голове.

Но Ынчжу стояла, замерев, не в силах пошевелиться, и смотрела ему в спину. Вероятно, ощутив ее взгляд, тот обернулся. Она вдруг увидела лицо человека, которого только что могла

убить. У этого грязного ничтожного существа гноились глаза, в уголках рта скопилась слюна. Похоже, он понял, что Ынчжу наблюдала, как он мочится. Он беззвучно обнажил желтые зубы в улыбке и повернулся к ней. Ширинка была расстегнута, она видела, как на брюки капает моча. Ынчжу закричала и сломя голову понеслась прочь. Ей казалось, что старик погонится за ней и вот-вот набросится. Ей чудилось, как его заплывшее лицо спрашивало, почему она хотела убить его. Громкие звуки его шагов отдавались в ушах.

Старик за ней, конечно, не погнался. Ынчжу добежала домой, выслушала нотации матери, мол, почему так поздно, и забыла о том человеке. Иногда у нее перед глазами всплывали силуэт и гримаса старика. Она дрожала от ужаса. Но с того момента она не задумывалась о том, почему ей тогда, на мосту, пришла в голову мысль об убийстве.

Когда у ручья Ынчжу увидела силуэт Кан Инхака, то внезапно вспомнила того старика, которого в четвертом классе повстречала поздним вечером. Как будто ей вновь надо было пройти это испытание спустя долгие тридцать лет. Перед ней снова стоял пьяный мужчина, который мочился в реку. Все как в тот день. «Только в этот раз пьяна я. Может, зря я тогда не сделала этого?» – раньше она не задумывалась об этом, не видела в этом смысла. Даже если бы Ынчжу тогда, в четвертом классе, толкнула старика в спину изо всех сил, ничего бы не изменилось. На следующий день ей пришлось бы пойти в школу, снова остаться после уроков, незаслуженно получить указкой по ладоням и вернуться домой. Ничего бы не изменилось, абсолютно ничего.

Казалось, будто доносившийся до нее шум воды поглотил ночь. Что бы ни случилось, все исчезнет в этой темноте, все окажется погребенным под шумом воды. Ынчжу медленно приблизилась к мужчине. До этого момента она не думала всерьез убивать его. В отличие от случая в начальной школе, теперь ей оставалось лишь сделать несколько шагов. Ынчжу развернулась и собралась уйти.

Услышав ее шаги, мужчина слегка повернул голову. Перед ним была не ученица четвертого класса, а женщина за сорок, которая стояла и наблюдала за тем, как он справляет нужду. Перед ней стоял мужчина, которого, похоже, забавляло, что какая-то женщина рассматривает его гениталии. Она смогла различить его замутненный взгляд и сальное лицо. Мужчина искривил рот в улыбке. В темноте его, по-видимому, недавно вставленные зубы выглядели острыми и устрашающими.

На мгновение Ынчжу показалось, что мужчина узнал ее. Она его не помнила. Но возможно, он заходил когда-то к тайкуну школьной формы – именно так местные все еще называли свекра. Если потом они когда-либо встретятся, он может узнать ее по одежде и станет распускать слухи, что невестка уважаемого в районе человека пялилась на его гениталии. От этой мысли Ынчжу внезапно стало противно. Что-то сжалось у нее в животе, внезапно ударило в виски, пронзило все тело и вырвалось наружу. Как только мужчина снова повернул голову и собрался было застегнуть ширинку, Ынчжу бросилась к нему и, стиснув зубы, изо всех сил толкнула.

Он пошатнулся и, издав странный звук, не похожий ни на крик, ни на удивленный возглас, кубарем скатился вниз с насыпи, зачерпывая землю, которая была повсюду – тогда в районе велись работы по углублению дна ручья. Мужчина с шумом упал в воду. Барахтаясь и крича о помощи, он издал последний крик предсмертной агонии. Ынчжу вглядывалась в темноту воды. Его нигде не было видно.

Она продолжила путь домой. Ее руки и ноги дрожали, будто после удара током, а стук сердца отдавался в ушах. Казалось, что барабанные перепонки вот-вот разорвутся. «Что я наделала?» – спрашивала она саму себя. Случившееся не укладывалось в голове. Вспотевшие ладони до сих пор ощущали прикосновение к тяжелому жирному телу мужчины.

«Я ничего не сделала», – пробормотала Ынчжу в пустоту.

В ту секунду ей пришло в голову, что мужчина мог выбраться из воды. «А если он выживет и все расскажет...» – по телу побежали мурашки. Она обернулась и спустилась по прибрежной насыпи туда, где была свалена выкопанная земля. Ынчжу увидела мужчину. Он барахтался в воде и, отчаянно пытаясь выбраться, цеплялся за траву. Она подошла к нему. Мужчина держался из последних сил.

– Эй, сука! – крикнул он.

Ынчжу стояла как вкопанная, уставившись на него. В этот момент под весом мужчины пучок осоки вырвался прямо с корнями. Он снова оказался в водном потоке. Еще какое-то время он пытался выбраться, но потом силы оставили его. Стоял сезон дождей, уровень воды в ручье сильно поднялся.

Она снова забралась на груды земли. Ынчжу несколько раз поскальзывалась, но отчаянно продолжала цепляться руками и ногами, чтобы подняться. Она бежала без оглядки. В голове роились мысли: «Ручей мелкий. С такой глубины вполне можно выбраться, если ты не пьян. Если он умер, то сам виноват – потому что был пьян. И уровень воды поднялся. Все потому, что трава, за которую он схватился, вырвалась с корнями. Я не виновата».

Ынчжу вернулась домой вся взмокшая от пота. Стоя у двери, она перевела дыхание и вошла. Все спали. Ынчжу разделась, кинула одежду в стиральную машину и пошла в душ. Не включая свет, она забралась в постель и с головой накрылась одеялом. Так она чувствовала себя в безопасности. Где-то мяукала кошка, сердце Ынчжу все еще колотилось, но заснула она неожиданно быстро. Должно быть, все из-за алкоголя.

Тело обнаружили два дня спустя. Рабочие, которые занимались углублением дна, рассказали, что его нашли в коллекторе ручья. Новость ей сообщил владелец местного магазина. Когда Ынчжу узнала о том, что нашли тело, ей отчего-то стало легче. Эти два дня она нервничала, прокручивала сценарии того, как поступить, если он выжил.

Она была не столько напугана, сколько удивлена. Убийство человека уже само по себе экстраординарный поступок. Как ни парадоксально, Ынчжу вовсе не гордилась содеянным, но и страха не ощущала. И вины тоже. Как ни посмотри, не было никаких оснований записывать себя в убийцы. Все случившееся казалось теперь чем-то сюрреалистичным.

Однако она не стала глубоко размышлять над причинами своего удивления. Ей это претило. Она боялась, что чувство вины возьмет верх. Она не оправдывала себя, но, с другой стороны, хотела избежать самокритики и старалась заглушить угрызения совести. Пытаясь избавиться от этих мыслей, Ынчжу бормотала про себя: «Все уже случилось, ты ничего не можешь исправить». Пытаясь отстраниться от произошедшего, она вылизала каждый уголок дома, вымыла раковину и холодильник, приготовила кимчи. Как будто ничего не произошло.

И все же по ночам ей снилось, как она вновь приближается к силуэту мужчины у ручья. И всякий раз она уговаривала себя не подходить к нему: «Остановись. Иди домой, как тогда, в четвертом классе, напрямик домой. Домой, домой...» В этот момент мужчина всегда поворачивал голову, и Ынчжу толкала его в спину.

Этот кошмар продолжал сниться ей, однако страх постепенно отступал. Через некоторое время Ынчжу удалось отстраниться от преступления. Прошло несколько дней, и ей стало казаться, что убийство было всего лишь сном, что она не виновата и не несет никакой ответственности за произошедшее. Приход полицейских она расценила всего лишь как необходимую формальность в рамках расследования. Ынчжу чувствовала себя в безопасности, ведь с погибшим ее ничего не связывало.

Узнав от полицейских о свидетеле, Ынчжу по-настоящему испугалась, ноги онемели. Она начала осознавать серьезность ситуации. Но Ынчжу взяла себя в руки ради детей. На душе было беспокойно: «Сын и дочь не должны жить с клеймом детей убийцы. Что бы ни случилось, я обязана сделать так, чтобы муж и дети считали меня ложно обвиненной, даже если меня осудят. Это мой материнский долг. Я должна исполнить его до конца». На глазах наворачивались

слезы, когда она думала о детях. Каждый раз, сдерживая плач, она чувствовала отчаяние от того, что ей приходилось выносить все эти испытания в одиночку.

Полиция отпустила Ынчжу, но мысли о свидетеле не давали ей покоя. Не оставила ли она улики? А что, если полиция снова ее задержит? Она думала об уликах, но кроме удостоверения личности в кошельке, ничто не могло указать на нее. А оно было при ней. Тем не менее у Ынчжу не получалось вернуться к своему прежнему состоянию отрешенности от происходящего. Мысли об убийстве, наоборот, еще сильнее прилипли к ней. Она еле переставляла ноги, будто тащила на спине тело того утопленника.

Она медленно спустилась по тропинке с противоположной стороны холма и пошла домой. По дороге она зашла в магазинчик, купила упаковку яиц и туалетную бумагу. Там она встретила начальника полицейского участка. Он сидел под зонтиком от солнца ипил газировку. Увидев Ынчжу, он поднялся и поздоровался с ней. Ынчжу в ответ слегка кивнула. Они встречались всего пару раз на улице. Тем не менее участковый наблюдал за ней, пока она пробиwała товары и расплачивалась на кассе. В конце концов он подошел к ней и заговорил:

– Нелегко вам пришлось в последнее время...

– Да уж...

Хоть начальник участка и говорил вежливо, на его лице читались сомнения, недовольство, насмешка и даже любопытство. Ынчжу решила, что он все еще подозревал ее, но неожиданно он спросил:

– С вашим свекром все в порядке? Как он себя чувствует?

– Да все вроде бы ничего.

– Он у вас великий человек! Я слышал, что он сам добрался до нашего участка. Приношу свои извинения, я не должен был доводить до этого.

Он еще долго расхваливал свекра Ынчжу и извинялся за произошедшее. Ынчжу молча слушала, прикрыв лицо от палящего солнца кошельком. Ей показалось, что неспроста он затеял этот разговор. Поэтому, как только он замолчал, она лишь холодно ответила: «Я передам ему ваши слова», и сразу ушла прочь.

– Скажите ему, что я как-нибудь зайду!

Ынчжу не понимала, почему участковый так трепетно относился к свекру. Он искренне уважал его, но не потому, что тот живет в его районе с середины семидесятых. Когда начальник только стал полицейским, ему не было и тридцати – он даже взглянуть не смел на делегата гражданского собрания, выбиравшего президента. С тех пор он навсегда проникся глубоким уважением к свекру Ынчжу. Более того, молодость полицейского пришлась на семидесятые, а все, что было связано с молодостью, грело ему душу. Поэтому всякий раз, когда полицейский слышал про те президентские выборы, его охватывала ностальгия. Да, жили тогда небогато, но зато в стране царил порядок, все надеялись на светлое и достойное будущее. А каким авторитетом в то время пользовались в семье отцы! В этом смысле сейчас все иначе. Но свекру Ынчжу не приходилось жаловаться, сын и невестка, как в старые добрые времена, уважали его. Именно о такой старости мечтал начальник полицейского участка. Поэтому узнав, что парализованный свекор Ынчжу самостоятельно добрался до участка, он почувствовал сожаление и тревогу.

Ынчжу совершенно не догадывалась, что на уме у участкового. Она подумала, что он язвит, как и все соседи, которые, завидев ее, начинают перешептываться. Она будто очнулась ото сна. На смену апатии, которая овладела ею после допроса в полицейском участке, вдруг пришла озлобленность.

«Только и делаете, что поносите меня за моей спиной. Но у вас ничего на меня нет», – пробормотала Ынчжу. Она думала, что никто, даже полиция, не сможет найти связь между ней и погибшим Кан Инхаком. Поэтому почувствовала себя в безопасности. Вернувшись домой, она приготовила ферментированного ската с тушеной свиной, рецепт которого выучила на

кулинарных курсах в прошлый раз. Ее муж несказанно обрадовался, что она снова была полна сил, и весь вечер хвалил ее. Ынчжу даже на какое-то время почувствовала себя счастливой.

* * *

Через несколько дней раздался звонок. Каждый день Ынчжу провожала детей в школу, ухаживала за свекром, посещала кулинарные курсы, поднималась на холм на променады и ходила в баню по абонементу. Когда зазвонил телефон, она как раз готовила ужин.

– Алло?

– Могу ли я поговорить с Ли Ынчжу? – заговорил мужчина после небольшой паузы.

Его голос смешивался с каким-то шумом, как будто звонили издалека. После перехода на интернет-связь в телефоне Ынчжу часто были помехи.

– Это я.

– Ли Ынчжу, это я... был там в тот день.

– Что? Говорите громче, пожалуйста.

– Это я вас тогда видел.

– Что вы видели?

– ...убийство!

– Что?!

– У-бий-ство. Убийство! Это ведь вы его убили! Я вас видел!

– А, да... Ой, нет, нет, алло? Я сказала «да», потому что тоже слышала об убийстве, но убийца не я. О чем вы вообще?

В голосе чувствовалась насмешка:

– Я звоню не для того, чтобы сообщить в полицию. В этом нет смысла. Так что вам не нужно оправдываться.

– Тогда зачем вы звоните?

– Мне просто любопытно. Зачем вы вообще его убили? Что вас связывало? Старая обида? Я всего лишь хочу знать причину.

Ынчжу на мгновение замолчала, затаив дыхание. Затем она снова заговорила, повысив голос:

– Я не знаю, что вы там видели, но я никого не убивала!

– Хотите, чтобы я предоставил доказательства?

– Поступайте, как знаете.

Ынчжу положила трубку. Ее будто оглушило. Ее шантажируют? Незнакомец не требовал у нее денег, но он ясно дал понять, что хочет узнать мотивы убийства. Она не могла понять, чего он добивался.

Ынчжу хотела узнать номер входящего звонка, но на разбитом экране ее телефона не было видно цифр. Она сразу решила купить новый телефон и подумала, что позже сможет узнать имя звонившего в салоне связи. Однако ее телефон был зарегистрирован на имя свекра, и она сомневалась, что ей сделают детализацию звонков. «Может, стоит сообщить на горячую линию, что мне угрожают?»

Неожиданно на нее навалилась нечеловеческая усталость. Она убила человека, и теперь свидетель звонил на ее личный номер. Может, рассказать мужу? Да нет, он не поверит. А вдруг свидетель навредит детям? Хотя зачем, какое он вообще имеет к ним отношение? С другой стороны, она сама убила человека, к которому не имела никакого отношения. «Да не убивала я его – просто толкнула в спину!» – в сердцах выкрикнула она. Она понимала, что все это самообман. Когда все пошло не так? В тот момент, когда она убила человека или когда объявился свидетель?

Ынчжу рухнула на диван. «Что мне теперь делать?» – думала она про себя. В гостиной было слышно только тиканье часов, в голову не приходило ни ответа, ни подсказки. Она закрыла глаза и задремала. В ее полусонном сознании промелькнула мысль, что пора готовить ужин.

Через несколько дней позвонили снова. И на этот раз голос звучал издали, а шум усилился, но мужчина говорил гораздо спокойнее.

– Я знаю, что мои звонки вас раздражают. Но мне все равно. Думаю, это не слишком большое наказание для вас, учитывая, что вы совершили.

– Вы не имеете права говорить о наказании, – так же спокойно отвечала Ынчжу. – Вы что, из органов правопорядка? Оставьте мое преступление полиции. И, конечно, я просто говорю, исходя из вашего предположения, что убийство совершила я.

Ынчжу говорила осторожно, допуская, что мужчина может записывать разговор.

– У вас нет доказательств. Это всего лишь голословные утверждения, что вы видели эту сцену. В этом случае вы бы уже сидели и давали показания в прокуратуре. Но меня освободили, и запугать меня сейчас у вас не получится. Так что поумерьте свой пыл.

Ынчжу повесила трубку и проверила номер звонившего. Сразу после первого звонка она купила новый телефон и попробовала найти номер в телефонном интернет-справочнике. Оказалось, что звонили из телефонной будки по соседству. Ынчжу села в машину мужа и ввела адрес в навигатор. Не прошло и пяти минут, как она оказалась перед местным магазинчиком. Владелец сидел и в одиночестве смотрел футбольный матч премьер-лиги по телевизору, подвешенному к потолку.

– Добро пожаловать, – сухо поздоровался он.

Ынчжу на мгновение замешкалась: вдруг это и есть свидетель? Хотя нет, вряд ли. Будь он свидетелем, то не стал бы пользоваться телефонной будкой перед собственным магазином. Но кто знает? Может быть, свидетель позвонил отсюда, потому что в магазине никого не было? Нужно было решаться. Ынчжу подошла к хозяину магазина.

– Здравствуйте, – сказал он и пристально посмотрел на нее.

– Вы случайно не видели, звонил кто-нибудь только что из телефонной будки?

– А как я увижу? Я все время в магазине, так что понятия не имею.

Ынчжу понимающе кивнула. Слова хозяина магазина поначалу показались ей убедительными. Но через какое-то время она решила спросить еще раз:

– Могу я попросить вас об одолжении?

– О каком?

– Вы же знаете, что недавно в ручье погиб человек и несколько дней назад меня забирали в полицейский участок.

– А, вы про это... Ну да...

– Подозреваю, что все уже об этом знают.

– Так три дня уж прошло. Сочувствую...

– Какой-то сумасшедший говорит, что видел, как я убила того мужчину. Если бы я действительно кого-то убила, то полиция вряд ли просто отпустила бы меня? Но этот псих называет мне и угрожает.

– Что за народ! Чего хотел? Денег?

– Нет, денег не просил.

– Так вы сами позвоните в полицию!

– Как вы себе это представляете? Меня в полиции допрашивали по делу об убийстве, а тут я сама пойду туда, жаловаться на угрозы? Мне так страшно. Боюсь, все местные сочтут меня странной, помогите мне, пожалуйста.

Отчаяние Ынчжу тронуло хозяина магазина:

– Да, что я могу для вас сделать?

– Если вы увидите, что кто-то звонит из телефонной будки, сделайте фотографию этого человека и отправьте мне.

– Но что, если я этого не увижу? Телефонной будки отсюда не видно.

– Если вы увидите кого-нибудь подозрительного, сообщите мне. Боюсь, что сама я его спугну.

Владелец магазинчика кивнул.

– Хорошо, если увижу, обязательно сообщу. Вы говорите, звонил мужчина?

– Да. В наши дни немногие пользуются таксофонами.

– Это верно.

Ынчжу несколько раз поблагодарила владельца магазинчика и вернулась домой. Не было никакой гарантии, что свидетель позвонит с того же телефона-автомата. Вдобавок у нее не было никакого конкретного плана по поиску свидетеля и вариантов, как это сделать. Но Ынчжу не могла сидеть сложа руки. Она рассуждала так: несправедливо, что свидетель знал ее, а она его – нет.

В тот вечер свекор сходил под себя. Такое уже случалось и не раз, но привыкнуть к этому было невозможно. Пока Хосон мыл отца в ванной, Ынчжу свернула его одежду, выбросила ее и открыла окно, чтобы проветрить. Свекор упрямо отказывался от подгузников, а аппетит у него был отменным.

Комната еще до конца не проветрилась, когда к ним явились прихожане местной церкви помолиться за свекра. Непонятно, когда он начал ходить в церковь. По словам Хосона – сразу после того, как перенес первый инсульт. До недавнего времени, пока ему не стало совсем плохо, он с удовольствием посещал утренние воскресные службы. Ынчжу молча следовала за ним, чтобы угодить, и Хосон беспрекословно делал то же самое.

Прихожане помолились, а уходя, взяли Ынчжу за руку и, утешая, пожелали быть сильной ради своего свекра. Она вручила им конверты с пожертвованиями. Судя по тому, что он каждый раз раздавал прихожанам конверты с деньгами, Ынчжу поняла, что где-то в комнате свекор устроил тайник.

Владелец магазинчика несколько раз присылал фотографии. Но звонки на некоторое время прекратились, так что люди на фотографиях не имели никакого отношения к делу. Несколько дней спустя свидетель позвонил снова. Услышав телефонный звонок, Ынчжу сразу поняла, что это он.

– Ли Ынчжу, я нашел вашу страницу в соцсетях. Само собой, я зашел под чужим ником, чтобы не подвергать вас бесконечному соблазну вычислить меня. В последнее время вы ничего не публиковали. Вы завели второй аккаунт?

– Зачем вы это делаете?

– Хочу узнать о вас как можно больше. Как вы связаны с покойным Каном?

На телефон пришло уведомление. Это хозяин магазина прислал фотографию. На ней был запечатлен пожилой мужчина в синей рубашке, похожей на униформу таксистов. Но лицо не получалось различить. Ынчжу молча положила трубку на стол и рванула к магазину. Пока она бежала, уже было подумала, что зря, но таксист все еще сидел под зонтиком и пил пиво. Прямо как начальник местной полиции, которого она недавно там встретила.

Стараясь не привлекать внимания, она вошла в магазин, взяла что-то и встала в очередь. Молодой человек перед ней рассчитался за сигареты и вышел. Стоя на кассе, она спросила у хозяина:

– Вы знаете этого таксиста?

– Он живет в тех новых домах вниз по улице.

– Спасибо.

Ынчжу вышла и, не глядя на таксиста, направилась в ту сторону. На перекрестке напротив нового жилого комплекса стоял китайский ресторан и рядом небольшая парикмахерская.

– Добро пожаловать! – поздоровалась хозяйка салона, которая делала клиенту завивку. – Чем могу вам помочь?

– Хочу подстричься.

– Пожалуйста, присаживайтесь и подождите.

Ынчжу сидела на диванчике и рассматривала однотипные многоэтажки напротив. Таксист пил пиво, а значит, не пойдет на работу и, скорее всего, вернется домой. Чем больше она об этом думала, тем острее чувствовала сожаление, грусть и усталость от того, что ее обычная жизнь была запятнана словами «убийство», «свидетель», «подозреваемый». Она так устала, что не могла мыслить рационально.

– Добро пожаловать.

В парикмахерскую вошел еще один посетитель.

– Чем могу помочь?

– Я хотел бы подстричься.

– Пожалуйста, присаживайтесь и подождите.

Новый посетитель сел рядом с Ынчжу. Взгляд женщины был прикован к домам через дорогу. В этот момент она увидела таксиста. Он зашел в подъезд одного из домов, поднялся на четвертый этаж – его силуэт был виден через огромное окно лестничного пролета – и исчез за входной дверью квартиры.

– Угощайтесь, – молодой человек протянул ей печенье в белой упаковке.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Ынчжу.

Она попыталась разорвать целлофановую обертку, но ничего не вышло. Она вытерла вспотевшие руки об одежду.

– Давайте я вам помогу.

Молодой человек снова взял печенье, открыл его и протянул ей. Ынчжу еще раз поблагодарила его. Он еле заметно улыбнулся.

– Забавную вещицу вы прикупили, – сказал он и кивнул на предмет, который лежал рядом. Это была подушка для путешествий, которую она прихватила в магазине. Как только Ынчжу узнала о ее существовании, она надела ее на шею и откинулась на спинку дивана. Молодой человек рассмеялся:

– Вы такая забавная. Но нужно другой стороной. Давайте я.

Он тут же поправил подушку. Ынчжу смущало, что молодой человек проявлял к ней интерес, ведь ему не было еще и тридцати.

– Проходите, пожалуйста, – позвала хозяйка салона.

Ынчжу подошла и села на стул перед зеркалом. Молодой человек продолжал рассматривать ее. Она встретилась с ним взглядом – он еле заметно улыбнулся.

Глава 3

У ночи тысяча глаз

1

«Какая забавная», – пробормотал Чхансу, вернувшись в свою квартиру под крышей. Он включил компьютер. Его не волновали ни спонтанность его новой стрижки, ни разбросанные по столу целлофановые обертки и упаковки от заварной лапши. Его интересовала исключительно Ли Ынчжу – он наслаждался ролью свидетеля и шантажиста, которую играл последние несколько недель. Как же он удивился, встретив Ынчжу в магазине. Когда он звонил ей из телефонной будки, он понимал, что она сможет отследить этот номер телефона, но его восхитило, насколько быстро она это сделала. Он не ожидал, что она вступит в игру, хотя догадывался, что в этом ей каким-то образом помог владелец магазина.

По просьбе Ынчжу он сфотографировал таксиста в телефонной будке. Как только он собирался отправить снимок, ему позвонили. Пока хозяин разговаривал по телефону, таксист вышел из телефонной будки и закурил. На мгновение он вспомнил про бывшую жену, неработающий телефон, который он разбил, перебрав с алкоголем. Между тем в будку зашел Чхансу. Похоже, в этот момент хозяин магазина отправил Ынчжу фотографию. Чхансу не мог этого знать, но это ничего бы не изменило.

Он включил компьютер, подсоединил к нему телефон и загрузил на жесткий диск фотографии. На них было видно, как Ынчжу сидит в парикмахерском кресле, а затем выходит на улицу, держа в руках подушку. Ынчжу хмурилась, напряженно размышляя о чем-то. Он создал на рабочем столе папку, которая называлась «Мона Лиза». В ней уже находились десятки фотографий, и на всех была Ынчжу. Чхансу быстро пролистывал их – вот она идет на холм, заходит в баню, покупает продукты на рынке.

В папке был даже снимок, на котором Ынчжу пристально смотрела на него. Всякий раз, когда на экране появлялось это изображение, у Чхансу перехватывало дыхание, и он переставал щелкать мышкой. Бледный лоб, безразличный взгляд. В тот момент она обернулась и невзначай посмотрела на мужа, который что-то сажал в огороде.

Конечно, она не могла его видеть – Чхансу фотографировал ее на телеобъектив издалека. Она выглядела так, будто собиралась что-то сказать, будто знала, что Чхансу где-то там, и, немного смущаясь, в ожидании смотрела в камеру.

Каждый раз, вглядываясь в безучастное лицо Ынчжу, он видел в ее глазах бездонную пропасть, которая словно затягивала его туда. Ему казалось, что чем дольше он будет вглядываться в эту бездну, тем ближе он будет к пониманию природы убийства.

¹ Аллюзия на роман Корелла Вулрича «У ночи тысяча глаз». (Прим. автора.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.